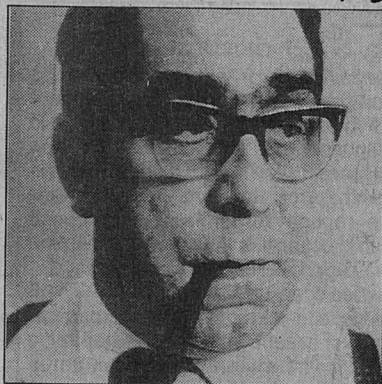

НАСЛЕДИЕ

«Мороз и солнце, дерутся два японца»

Рое. Вестн. - 1994. - 8 окт. - с. 3

Художник Анатолий Зверев
поэта Пушкина не любил.

Был для него Александр
Сергеевич слишком
предсказуем. Зверев же
искал в творчестве других
отзвуки той

непричесанности, что
бурлила в нем самом.

Майя КРЫЛОВА

Одновременно со Зверевым творили другие, часто не менее способные и не менее божественные художники. Но судьба распорядилась так, что именно зверевский миф наиболее картинно, наиболее полно отражал представления людей о великом художнике.

Словесные и поведенческие «прибамбасы» его давно стали легендой. Вольное переложение пушкинского стиха («позиция должна быть неожиданной», у классика - «мороз и солнце, день чудесный», а надо бы - «мороз и солнце, дерутся два японца») говорит о сути характера больше, чем объемистые монографии. Посмертный миф гласит: стихийный талант, воплощение неустоенного гения, полное противоречий. Действительно: широта одаренной натуры, щедрость в распылении жизненных сил («гуляй, да, от рубля и выше!») - и хитрец, якобы простоватого мужичка, почти юродивого, не способного отвечать за свои бешеные поступки. Притом понимание удобства такой маски - маски, которая от долгого ношения неотрывно срослась с лицом. А ко всему этому - прочная власть нашего, увя, «национального недуга». Так назвала многолетнее пьянство художника директор Музея изобразительных искусств на Волхонке И.А. Антонова, выступая на пресс-конференции. В этом музее, в здании, отведенном личным собраниям, открылась выставка «Зверев из коллекции Костаки».

Немецкий издатель Т.Бетгер, по чьей

инициативе состоялась экспозиция, сказал: «Современное искусство является зачастую тем, что ни одна армия мира не возьмет в качестве трофея. Работы Зверева возьмут наполовину точно. Насчет второй половины - надо думать». Правота этой характеристики очевидна. Художник создал множество работ, после него остались тысячи, десятки тысяч красочных листов, рисунков тушью. Он делал их в сумасшедшем темпе, в дикой технике - с помощью бритвенного помазка, столового ножа... «Бросался на лист бумаги, обливал бумагу, пол, стулья грязной водой, швырял в лужу банки гуаши, размазывал тряпкой, а то и ботинками весь этот цветовой кошмар... - и на глазах возникал душистый букет сирени!» - так современники описывали творческий процесс Зверева.

Лучшее на выставке - это серия графических черно-белых иллюстраций к «Золотому ослу» Апулея, сделанных художником, как говорят, за одну ночь. Паразитические по обобщенной точности формы, по динамизму штриха и линии, по «корректной эротике», они могут быть сравнимы с самыми качественными рисунками века. Глядя на них, понимаешь, почему Пикассо назвал Зверева ведущим рисовальщиком нашего времени. Очень хороша и анималистика: портреты лошадей, птиц, котов.

Наиболее спокойно я смотрела на выставке цветные гуаши - знаменитые и многочисленные «Букеты», мужские и женские портреты. Может быть, их значение для 60-х - 70-х годов было боль-

ше теперешнего? Тогда Зверев стал тем творцом, что привнес достижения ташизма (направления, уповающего на спонтанную, анархическую живописность, на случайность красочной кладки) в нашу страдающую от официально-«реализма» почву. Тогда как-то не замечали, что в манере Зверева, да еще поставленной самим художником «на поток», не всегда гармонично уживаются Джексон Поллок с Артуром Фонвизиным; что из десяти пестрых, цветастых гуашей восемь могут оказаться проходными, и только две - экспрессивно-упругими, энергетически наполненными.

Второе имя в названии выставки - Георгий Костаки. Тоже легендарная фигура: грек, почти всю жизнь проживший в России, коллекционер старого и нового авангарда, друг «андеграундных» художников, добрый гений Зверева. Видимо, их познакомил актер Александр Румнев - тот, кто первый открыл зверевский талант, увидя живописца за работой в Сокольниках (там Зверев расписывал заборы и детские площадки).

Костаки подбирал то, что официальные лица нашей культуры искренне считали никому не нужным хламом, спасал работы, которые неизбежно были бы потеряны или погибли от равнодушия и невежества. Он ввел Зверева в московские художественные круги, активно пропагандировал его творчество. В квартире коллекционера устраивались публичные сеансы: художник за 5 - 7 минут создавал законченную вещь. Для Костаки Зверев был грандиозной фигурой, над которой витали тени великих бродяг - Ван Гога, Сутина, Модильяни...

В собрании коллекционера - рисунки, тем более ценные, что их несомненная подлинность - как глоток свежего воздуха на фоне шквала подделок «под Зверева», заполонивших мировой художественный рынок.

Выставка «Зверев из коллекции Костаки» - дань признательности «российскому Медини», меценату, покровителю. И она прояснит для нас место Анатолия Зверева в русском искусстве - то наследие, что этот постромантик оставил потомкам.

На снимке: Георгий Костаки.